

Пролог

Наша постоянная цель — правильно ориентировать читателей при выборе литературы. Мы не осуждаем чтение романов и не считаем его бесполезной тратой времени, если эти романы, конечно, не слишком низкопробные. Мы убеждены, что это «развлечение» следует выбирать в соответствии со вкусами и руководствуясь разумными принципами, которые главным образом и управляют всеми нашими поступками.

Журнал «Гюдииз ледиз бук»

В подвале дома на Хестер-стрит было чрезвычайно душно из-за нестерпимой жары на улице. Раскаленная решетка, на которой стояли горячие утюги, делала атмосферу в помещении еще более невыносимой.

Хотя воздух был неподвижен, крошечные частички ниток от недавно разрезанной ткани плавали по комнате, проникая во все щели. Невидимые пылинки забивали ноздри. Некоторые женщины говорили, что привыкли к таким условиям, но Джемейна Бенедикт, проработавшая в мастерской по пошиву мужских рубашек уже целую неделю, была убеждена: к этому привыкнуть невозможно. Она понимала, что никогда не смогла бы приспособиться и к тому, чтобы долгие часы, склонившись над рабочим столом, орудовать иглой с ниткой, пока не воспалятся глаза, а пальцы не покроются

болячками. Даже ночью, в крохотной комнатенке, в обшарпанном многоквартирном доме, девушка с закрытыми глазами продолжала видеть мелькающие блестящие иголки.

Закончив шитье рубашки, Джемайна распрямилась, вытерла пот со лба и оглядела огромное мрачное помещение. Делать это приходилось украдкой — в швейной мастерской, принадлежавшей Лестеру Гилрою, не разрешалось отрываться от работы.

На полу лежали тюки с тканями, которые вскоре должны были превратиться в мужские рубашки. Узкие окна в подвале были грязные и пропускали мало света. Они никогда не открывались.

В мастерской Гилроя существовала сдельная оплата труда. Швеи получали двадцать пять центов за рубашку, но даже самые лучшие работницы могли сшить всего дюжину за неделю. Детям, подносившим ткань и уносившим готовые изделия, платили еще меньше.

Ист-Сайд Нью-Йорка буквально изобилует подобными мастерскими, производившими различные виды одежды. Один только Гилрой имел полдюжины таких предприятий на Хестер-стрит. Джемайна знала, что в некоторых мастерских платят больше, но здесь отчаявшиеся женщины готовы работать даже за низкую плату и в жутких условиях. Хозяин часто говорил, что каждая швея, если захочет, может в любое время оставить работу — десятки других с нетерпением ждут освободившееся место.

Джемайна была незнакома с условиями труда в других швейных мастерских, но сомневалась, что они лучше, чем здесь. Лестер Гилрой нанимал жестоких надсмотрщиков, брал на работу детей

4 и малоопытных женщин. Условия у него были

ужасные. Женщины тайком ворчали и жаловались Джемайне, но только вне мастерской, опасаясь, что их могут подслушать и доложить хозяину.

Лестер Гилрой заработал славу самого жестокого эксплуататора женщин.

— Ида!

Джемайна не сразу откликнулась на зов, совсем позабыв, что, устраиваясь на работу в мастерскую Гилроя, назвалась Идой Морган.

— Ида! Тебе лучше вернуться к работе. Громила идет.

Это сказала Мэй Картер, швея, сидящая за соседним столом. Громилой называли Берта Конроя, надсмотрщика, получавшего удовольствие оттого, что ловил *бездельниц*, которых строго наказывал или даже увольнял, если считал нарушение достаточно серьезным.

Джемайна поспешно вернулась к работе.

В то время как она склонилась над своим шитьем, раздался резкий окрик:

— Эй, ты! Я хочу поговорить с тобой. — Девушка обернулась и увидела Лестера Гилроя и Берта Конроя, быстро приближающихся к ней. Гилрой остановился у ее рабочего стола со свирепым выражением лица.

— Я наконец вспомнил, где видел тебя раньше. Тебя зовут не Ида Морган, а Джемайна или что-то вроде этого.

Джемайна посмотрела на владельца мастерской, и у нее упало сердце. Девушку предупреждали, что Гилрой опасный тип и ей у него появляться рискованно.

— Ты пришла сюда совсем не для того, чтобы работать, — проворчал Гилрой, — и я хочу знать зачем.

Джемайна оглядела комнату и сразу поняла: помощи ей ждать не от кого. Женщины с побледневшими лицами испуганно смотрели на нее.

— Пойдешь со мной, — приказал Гилрой, резко взмахнув рукой. — Сейчас же!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В прошлом номере мы отметили все преимущества женщин, занимающихся домашним хозяйством. Уверены, что внимательные мужья одобряют сделанные нами выводы, как и наши постоянные читательницы, самые лучшие и добропорядочные леди. Необходимо также выразить искреннее сочувствие тем женщинам, которые вынуждены сами заботиться о себе, и пожелать им найти подходящую работу.

Журнал «Гоудиз ледиз бук»

Глава 1

— О, эта проклятая женщина! — сердито воскликнул Генри Бенедикт.

Немного испуганная такой необычной вспышкой отца, Джемайна оторвала взгляд от книги. Сидящая напротив нее Бесс Бенедикт также посмотрела на мужа, прервав свое шитье.

— Какая женщина, дорогой?

— Сара Джозефа Хейл, — проворчал Генри Бенедикт. Очки сползли на кончик его довольно внушительного носа, когда он взмахнул журналом, который читал. — И это издание «Гоудиз ледиз бук». Ему не место в приличных домах! Некоторые статьи носят явно бунтарский характер!

— Но, Генри, журнал очень популярен. Мне известно, что у него большой тираж. Все самые порядочные люди читают его.

— Тем более надо запретить. Публикуя скандальные статьи, он развращает умы не-

винных женщин! Я однажды прочитал, как эта Сара Хейл утверждала: «Мужья могут не беспокоиться — их жены не найдут на страницах журнала ничего такого, что заставило бы их относиться менее прилежно к своим домашним обязанностям или вторгаться в прерогативы мужчин». Ха! Эта женщина лжет. Будь она мужчиной, ее следовало бы вызвать на дуэль!

— Но ведь этот журнал для женщин, дорогой, — мягко заметила жена. — Зачем ты читаешь его?

— Потому что мой долг мужа и отца — знать содержание того, что читают в моем доме.

Джемайна почувствовала: она должна вмешаться, хотя знала, что разозлит отца.

— Полагаю, миссис Хейл — высокопорядочная женщина, отец, и является примером для нас. Она умный человек и доброжелательный редактор. Ее мысли и высказывания поддерживают многие женщины.

Румяное лицо отца еще больше покраснело, когда он взглянул на дочь.

— Ты так думаешь? Вероятно, уже начиталась этой дешевой чепухи?

— Да, — сдержанно ответила Джемайна. — Но это вовсе не чепуха, отец. Статьи и рассказы, которые публикует миссис Хейл, хорошо написаны и заставляют задуматься. Они совсем не похожи на те публикации в некоторых журналах и газетах, которые рассчитаны на сенсационность.

— По-твоему, нет ничего скандального в призывах допустить женщин на медицинский факультет университета? Ты также считаешь, что нет ничего сенсационного в том, что она призывает женщин отказаться от корсетов?

— А почему женщинам не позволяют заниматься медицинской практикой, отец? По крайней мере половина пациентов — женщины. Что касается призывов отказаться от корсетов, то я полностью согласна с миссис Хейл — затягивание талии вредит здоровью, ведет к состоянию депрессии и частым обморокам. По-моему, корсеты очень неудобны, и вообще в них нет никакой необходимости.

— Нет необходимости? — Генри Бенедикт обратился к жене: — Видишь, Бесс, какие мысли внушает этот журнал? — Голос его возвысился. — Я скажу тебе, почему они необходимы, юная леди! Корсеты носят ради приличия. Я запрещаю тебе читать это издание! — Он стукнул журналом по подлокотнику кресла. Джемайна отвернулась.

— Ты не можешь запретить, отец. Мне уже двадцать два года, и я буду читать все, что пожелаю.

— Ты моя дочь и, пока живешь в моем доме, будешь делать так, как я говорю! — вспыхнул отец. — Что касается этого проклятого журнала, то я немедленно откажусь от дальнейшей подписки!

— Это не остановит меня, — невозмутимо сказала Джемайна. — Во всех киосках есть экземпляры для продажи.

— Я запрещаю тебе покупать их, слышишь? Запрещаю!

Джемайна встала.

— Я иду спать. Спокойной ночи, отец. Спокойной ночи, мама.

Когда она вышла в гостиную, Генри Бенедикт крикнул ей вслед:

— Я запрещаю тебе, Джемайна!

Дочь, не останавливаясь, поднялась по лестнице к себе на второй этаж. Внешне она стар-

лась сохранять спокойствие, но внутри вся дрожала. Генри Бенедикт, обычно вполне нормальный, разумный человек с ровным характером, буквально преобразался, едва речь заходила о месте женщины в этом мире. Разделяя взгляды большинства мужчин своего времени, он был одержим нетерпимостью к женщинам, проявляющим общественную или деловую активность. Джемайна не могла припомнить, когда в последний раз он так сердился. Правда, последняя вспышка гнева не очень беспокоила девушку — это пройдет. Но что будет с отцом, когда он узнает о письме, написанном ею Саре Джозефе Хейл несколько дней назад? Его может хватить удар!

Оказавшись в своей комнате, Джемайна подошла к окну и долго стояла там, глядя невидящим взглядом на улицы бостонского Бикон-Хилла, полные людей, снующих в поисках укрытия от жары. Шел июль 1848 года.

Джемайна — высокая, статная девушка с превосходной фигурой, стянутой презираемым ею корсетом. Ее длинные волосы, такие черные, что при определенном освещении казались даже синими, разделены на прямой пробор и закрывают уши, а сзади уложены кольцом. Широко посаженные синие глаза светятся живым умом. У нее короткий, как у матери, слегка вздернутый носик, такой же как у миссис Бенедикт, довольно большой рот и полные естественно-красные губы прекрасной формы.

В ее лице не было ничего от отца. Тетушка Хестер, сестра матери, однажды заметила:

— Клянусь, Генри, в этой девочке нет ничего твоего! Если бы я не знала свою сестру слишком хорошо, то усомнилась бы в ее супружеской верности.

При воспоминании об этом губы Джемайны тронула легкая улыбка: Генри Бенедикт был настолько оскорблен этими словами, что несколько месяцев после этого не разговаривал со свояченицей. Конечно, отцу следовало быть более снисходительным к тетушке Хестер. Ведь она была доброй, веселой, правда, немного легкомысленной, способной высказать все, что придет ей в голову. Оставшись вдовой, Хестер Макфи жила одна в Филадельфии. Но что хуже всего, считал Генри Бенедикт, — она работала, чтобы содержать себя: владела магазином дамских шляп на Честнат-стрит.

— Кто знает, что она вытворяет там, в Филадельфии? — мрачно говорил Генри Бенедикт. — К тому же еще и работает!

Однако среди многочисленных тетушек и дядюшек с обеих сторон — всего десять человек — девушка больше всех любила именно Хестер.

Хотя Джемайна и не унаследовала внешности отца, зато по характеру была такой же, как он, упрямой и непреклонной. Завершив в прошлом году учебу в пансионе благородных девиц в Бостоне, она не могла удовлетвориться тем, чтобы сидеть в гостиной и принимать ухаживания поклонников, которых одного за другим приглашали ее родители. Ей хотелось сначала многое познать, может быть, даже поработать несколько лет, прежде чем погрязнуть в семейной жизни.

— Что? И быть как Хестер? — воскликнул отец. — Место женщины — в доме, дочка. Пусть мужчина обеспечивает свою семью, неустанно работая, а женщина должна вести домашнее хозяйство.

Джемайна понимала тщетность споров с отцом на эту тему, но в одном у нее была воз-

можность сопротивляться — девушка с презрением отвергала женихов, которых предлагали родители. «Слава богу, — думала она, — что цивилизация продвинулась вперед и дочерей не заставляют выходить замуж против их воли!»

Генри Бенедикт очень расстраивался по этому поводу.

— В чем дело, Джемайна? Эти молодые люди из лучших бостонских семей и вполне достойны твоей руки. Многие девушки были бы в восторге, если бы им предоставилась возможность выйти замуж за одного из них.

— Вот пусть они и выходят, отец, — возражала дочь.

Джемайна знала, что еще удручает отца. Ее увлечение литературой. По его мнению, постоянное чтение вредит здоровью. Он никак не мог уразуметь, почему дочь все время сидит с книгой, вместо того чтобы проводить время со сверстниками. Джемайна понимала, что ей никогда не удастся объяснить ему, почему она предпочитает книги компании юношей и девушек, в основном детей друзей и знакомых ее отца. Большинство из них кажутся ей довольно пустыми и скучными.

Джемайна никогда не любила болтовню и притворство, которые считала неотъемлемой частью светских раутов. Она бы предпочла встречи с интересными людьми — представителями творческих профессий: писателями, художниками.

Девушка никогда никому не говорила об этом, но у нее была тайная мечта — самой стать писательницей.

12 Несколько месяцев назад ее мать начала выписывать журнал для женщин «Гоудиз ледиз бук».

Стоя у окна, Джемайна тихо засмеялась: отец совсем недавно обнаружил, что происходит под самым его носом все это время.

Девушка читала каждый номер от корки до корки. Особенно ее потряс тот факт, что редактор журнала — женщина. Ей не терпелось узнать, как Саре Джозефе Хейл удалось добиться такого успеха.

Недолго думая, Джемайна написала Хестер Макфи в Филадельфию. Тетушка ответила, сообщив все, что ей известно о Саре Хейл. Джемайна сочла информацию удивительной и нашла в жизни Сары Хейл кое-что схожее со своей собственной. Миссис Хейл также была англичанкой, она родилась и выросла в Нью-Хэмпшире и только после двадцати пяти лет вышла замуж.

После внезапной смерти мужа она осталась без средств к существованию с пятью малолетними детьми и начала зарабатывать на жизнь различными способами. В конце концов попробовала писать, начиная от сентиментальных стихов до романа «Северный лес», который был хорошо принят читательской аудиторией.

Благодаря этому Саре предложили должность редактора в «Ледиз мэгэзин» — журнале для женщин. Она приняла предложение и начала успешно работать в новом качестве, настолько успешно, что Луис Гоуди, издатель соперничающего журнала, попытался привлечь ее на свою сторону. Сара отказалась, так как, работая в «Ледиз мэгэзин», давала возможность зарабатывать еще нескольким женщинам и была верна им. В конце концов Гоуди пошел на то, что купил «Ледиз мэгэзин» и объединил оба издания в «Гоудиз ледиз бук». Таким образом Сара достигла своего настоящего положения.

И это все, дорогая Джемайна, что мне известно о ней. Я встречала миссис Хейл здесь, на приемах. Должна сказать тебе, что нахожу ее очень умной, энергичной, хорошо владеющей литературной речью женщиной.

Ты не сообщила мне причину своего интереса к миссис Хейл, и я, должна признаться, сгораю от любопытства. Причем настолько, что собираюсь приехать в Бостон на недельку и узнать из первых уст, что ты задумала. Очень подозреваю, что твой строгий отец вряд ли одобрит это. Не волнуйся, я надежный человек.

Твоя любящая тетя Хестер

Хестер Макфи появилась в доме Бенедиктов подобно свежему ветру, в своей невероятно модной шляпке, сапожках, лайковых перчатках и с ярким зонтиком, который держала в руке, как знамя. Генри Бенедикт сразу же поспешил удалиться в свой кабинет и заперся там.

Хестер улыбнулась Джемайне и подмигнула. Затем надула розовые щеки.

— Дорогой Генри всегда прячется в своей норе, когда бы я ни появилась, не так ли?

— В данном случае, — сказала Бесс, прикрывая рукой улыбку, — ты несправедлива. Генри должен поработать.

— Ладно, не важно. Я приехала повидаться с Джемайной.

— В самом деле? — удивленно спросила Бесс. — Ради чего?

— Не волнуйся, сестра, — весело ответила Хестер. — Прежде всего она моя драгоценная племянница, и бог знает, как редко мы видимся. — Она обняла Джемайну: — Пойдем наверх, юная

Джемайна, взволнованная, но довольная, позволила увлечь себя вверх по лестнице в свою комнату.

Зная порывистость тетки и бесполезность урезонивать ее, Джемайна тем не менее выговорила:

— Твои загадочные слова не на шутку взволновали маму.

— Ерунда! — возразила Хестер, размахивая свернутым зонтиком. — Осмелюсь сказать, мне позволительно иметь секреты со своей племянницей. А сейчас — тем более! Говори, зачем тебе понадобилась Сара Хейл?

Джемайна долго размышляла, получив письмо от Хестер, и теперь была готова к встрече с ней.

— Сначала ты должна прочитать кое-что. — Она подошла к комоду, достала рукопись и молча протянула ее тете.

Хестер удивленно приподняла бровь:

— Что это, скажи на милость?

— Сначала прочитай, — настаивала Джемайна. — Затем поговорим.

Хестер взяла рукопись и, сев на кушетку, начала быстро читать, потом удивленно взглянула на Джемайну и замедлила чтение. Закончив, положила страницы рукописи на колени и задумчиво посмотрела на племянницу.

— Хорошо! — удовлетворенно проговорила она. — Кажется, у моей девочки талант!

Джемайна почувствовала, что краснеет.

— Ты действительно так думаешь?

— Разумеется. Конечно, я не редактор, но читала достаточно много и не сомневаюсь: написано хорошо. Во всяком случае, твоя статья не хуже тех публикаций, которые мне приходилось видеть. — 15